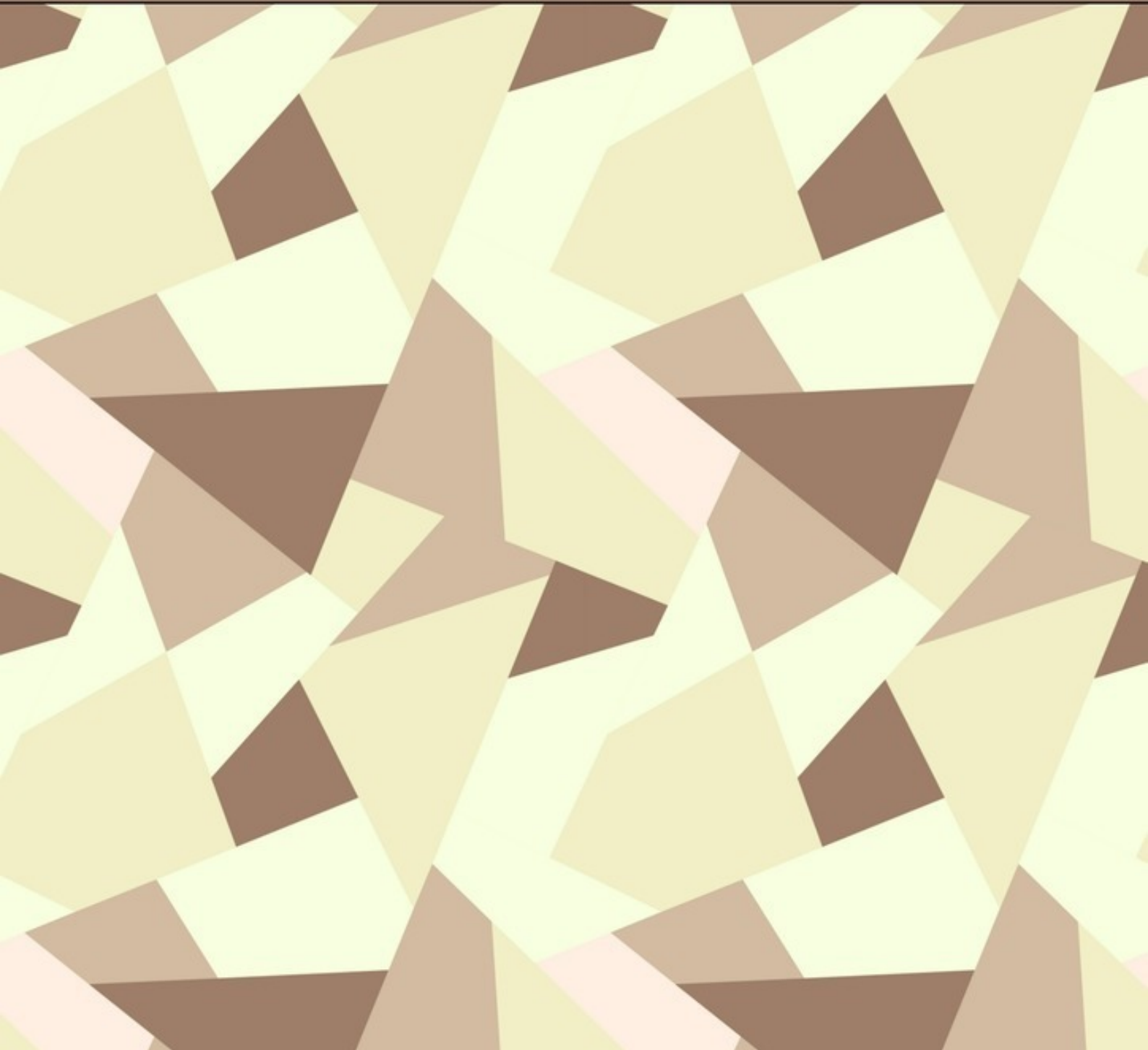

Урал Биккузин

Легион

Урал Биккузин

Легион

«Издательские решения»

Биккузин У.

Легион / У. Биккузин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850773-1

У земли есть обратная сторона подземелье, которая сильно отличается от земли, и во многом жизнь там лучше и справедливее, чем на земле. Четверо друзей с разными судьбами попадают туда и находят себя в новой жизни.

ISBN 978-5-44-850773-1

© Биккузин У.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Имя наше Легион	6
Глава первая. Витек	6
Глава вторая. Лаптев	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Легион

Урал Биккузин

© Урал Биккузин, 2017

ISBN 978-5-4485-0773-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Имя наше Легион

Глава первая. Витек

Если не повезло, значит не повезло. Такое бывало и раньше, и к этому Витек обычно относился философски. А тут пошла сплошная полоса, и самое плохое в этой ситуации, то, что выхода из нее уже не было. А все так хорошо складывалось, в мае получил диплом. Казалось, что еще нужно, солнечный майский день, синее небо, золотые погоны лейтенанта на плечах, торжественный марш.

– И, раз!

Взмах правой рукой, и в небо полетел серебряный дождь монет, красиво! Потом шампанское из огромного хрустального фужера. Фужер об асфальт, один осколок в карман, на удачу. И до пенсии оставалось всего ничего, четыре месяца. Конечно Витек не собирался уходить на пенсию, но когда ты ее уже выслужил, то как-то надежнее. Не зря же он учился заочно, без отрыва от службы целых пять лет. Сколько денег истрачено, сколько нервов, и вот наконец поступил и закончил, словно гора с плеч. Неприятности начались с той поры, как в колонию пришел новый начальник Вардам Арамович Оганесян. Низкорослый, толстый, с типичным армянским носом, и на редкость мерзким характером. Прежний начальник Андрей Федорович Захаров, в свое время закончивший академию с красным дипломом где-то под Вильнюсом начинавший службу простым опером Витьке нравился. К операм он относился трепетно, но требовал жестко. Была у него страстишка к крепким напиткам, но с ним можно было вполне мирно жить. А этот армян, притащил с собой двоих сыновей Оника и Жорика, даже водитель у него Симон, тоже армян, тьфу! Попробуй-ка русский стать начальником колонии где-нибудь под Ереваном, а у нас можно, у Вардама Арамовича подвязки в главке. И вот Оник начальник отряда, а Жорик целый оперуполномоченный. Сразу по вступлению в должность Вардам Арамович начал бурную деятельность. И вскоре колония строгого режима стала напоминать ранчо, где-нибудь в Техасе. С утра открывались ворота шлюза, и на пастбище выходило стадо телят, гусей, которое пасли бесконвойники, под чутким руководством дежурного офицера. И если стадо телят росло, то огромному прежде стаду свиней не повезло, любил Вардам Арамович шашлыки, и стадо свиней катастрофически вымирало, подобно бизонам на диком западе. И как-то незаметно Витек умудрился схлопотать выговор, потом строгаж, а потом неполное служебное. А потом вообще подфартило, среди белого дня, трезвый как стеклышко, угодил под машину. Колесо легковушки проехала через голову частично содрав скальп, и каким-то чудом не раздавило череп. Когда Витек выписался из больницы, он тысячу раз успел пожалеть, что не раздавило. Лежал он в больнице полгода, за это время его кое-как подлатали, но остались безобразные швы на голове, и частично пропала речь, говорить он мог мало, отрывисто, и со страшным хрипом. Естественно о службе можно было забыть. На просьбу дать ему возможность дотянуть четыре месяца до пенсии, Вардам Арамович, с веселой улыбкой коротко ответил:

– Пощель на хуй!

И вот теперь Витек стоял на разводе в рядах доблестного частного охранного предприятия «Легион». Черная униформа, нелепый шеврон с головой древнеримского воина в шлеме на рукаве, дубинка и наручники. Витька с тоской оглядывался на строй своих отважных будущих сослуживцев.

– Боже мой, где их насобирали: жалкие, кривобокие, лысые, а вот этот, в очках с линзами толстыми, как доньшко от пивной бутылки, похожий на кота Базилио, держится за сердце, да еще и хромает: подумал Витька: А ведь и я не лучше, такой же как они, так что все в масть,

курочки к курочкам, петушки к петушкам. Старушка, стоящая в заднем ряду, поймав взгляд Витьки, улыбнулась беззубым ртом и игриво подмигнула.

– О, господи, я еще пользуюсь успехом у женщин: подумал с самоиронией Витька: бля прямо мачо, по Сеньке и шапка.

Заместитель подразделения Елена Романовна Штучкина проводила инструктаж, руководитель же подразделения, бывший армейский майор Саша Волин не мог смотреть без слез на свое храброе войско, и старался без необходимости на разводы не попадать. Он еще помнил четкий строевой шаг батальонов на плацу, отрывистые слова команд, солдат своей роты в полной боевой выкладке и даже в самых страшных снах он не представлял, что будет командовать этим зоопарком. Контуженные бабульки и огрызки силовых структур, а чего же он хотел за зарплату в семь с половиной тысяч. Штучкина монотонным голосом читала ориентировку:

– В поселке N... вооруженные преступники разоружили сотрудника полиции, завладели табельным оружием, и вскрыв банкомат похитили денежные средства.

– Куда охрана смотрела!/: возмущенно крикнула из строя толстозадая охранница Катя, преданно пожирая Елену Романовну чистыми как у ребенка глазами. В строю заржали. Штучкина мгновенно отреагировала.

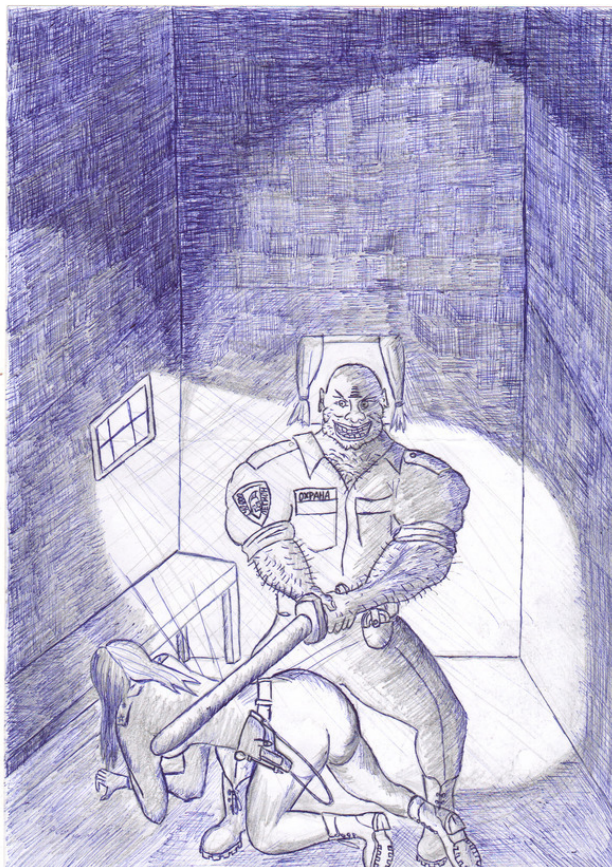
– Правильно говорит Катерина, нужно проявлять бдительность, мы должны отрабатывать свою зарплату, а вы на постах или спите, или в телефонах сидите, кого поймаем, будем наказывать.

На свое первое боевое дежурство Витек попал в городской парк на пару с угрюмым толстым татаринцем Равилем. Глядя на его узкий покатый лоб и дебиловатые глаза, Витька, обладающий богатой фантазией, невольно вспомнил иллюстрации из школьного учебника истории, изображающие неандертальцев. Место службы или боевой пост, представлял собой неказистый вагончик, грязный и тесный. Ихняя боевая двойка усиливалась женщиной-кинологом из вневедомственной охраны. Светка, как представилась валькирия в милицейской форме, привязала собаку, овчарку по кличке Дина на улице, села на топчан в вагончике и уткнулась в телефон. Равиль забился в самый темный угол и застыл, глядя куда-то вдаль своими маленькими как у медведя глазами, и если бы не его прерывистое дыхание, то его можно было спутать с корневищем дуба, настолько он был неподвижен и коряв. В глазах его, по мнению Витьки проносились видения, навеянные генетической памятью, пламя костров, охота на мамонта, танцы под барабан возле пещеры. Незаметно Витька задремал, снился ему все тот же Равиль, одетый в шкуру мамонта и пляшущий вокруг костра, высоко подпрыгивающий на мускулистых жилистых ногах и размахивающий огромной суковатой дубинкой, возле костра толпились лохматые, одетые в шкуры женщины, и возмущенно кричавшие: Ну ты чего, Равиль!, на что тот отрывисто рычал: Блят! Ах ты Блят! Тут Витька проснулся, но пробуждение не слишком отличалось ото сна. Светке видимо наскучило сидеть в социальных сетях, и она решила поставить чайник. На ее беду, розетку закрывала массивная туша Равиля.

– Равиль, подвинься пожалуйста.

Равиль не реагировал.

– Ну ты чего, Равиль!

В ответ гробовое молчание. Светка пыталась его оттолкнуть, но ее тонкие руки с таким же успехом могли толкать бетонную стену. Светка вошла в раж.

– Ах, так!

И упершись обеими руками в его массивный бок, она навалилась на него всем телом, и тяжело дыша, пыталась его сдвинуть с места. Равиль был безучастен, и глядел куда-то вдаль. Внезапно в микросхемах Равиля что-то перемкнуло, в глазах вспыхнула первобытная ярость.

– Ах ты блят! – заревел он как медведь. С неожиданной энергией, он вскочил, выхватил резиновую дубину ПР-73, перехватил ее двумя руками, и обрушил на Светку страшный удар, от которого она хрипя растянулась на грязном полу вагончика, царапая его наманикюренными ногтями. Совершив сей ратный подвиг, Равиль спокойно уселся в своем углу и застыл в прежней позе.

– Не иначе, гены его предков неандертальцев сработали: с невольным уважением подумал Витька. Светка все еще корежилась на полу, Витька бросился поднимать ее. Дежурство предсказуемо закончилось появлением наряда полиции, которое вызвала по сотовому Светка, и руководством Чопа, которое вызвали сотрудники полиции. А также написанием кучи объяснений, и прочими приятными мелочами, которые скрашивают серую однообразную жизнь частного охранника. В ходе предварительного расследования, выяснилось, что отважный охранник Равиль состоит на учете в психоневрологическом диспансере, живет с папой, неженат, очень одинок, и несчастлив. Поэтому его просто уволили, хотя нормальный человек за нападение на сотрудника полиции при исполнении вполне бы мог схлопотать реальный срок.

В следующее дежурство Витек заступил с другим напарником. Разбитной и веселый Славик, с круглой и румяной физиономией дышал застарелым перегаром.

– А я тебя помню, Витька.

– Откуда?

– Ты же на зоне в роте охраны был, потом в кумовья подался?

- Было дело.
- А я в надзоре был младшим инспектором.
- Не помню тебя что-то.
- Куда уж нам начальству, офицерам, помнить какого-то прапора.
- Да правда не помню, не застал я тебя.
- Ну я долго не проработал, уволили.

Милиционер кинолог, тоже новая, старалась не лезть в разговор. Видимо получила распоряжение руководства держаться подальше от придурковатых чоповцев, и имея в подтверждение живой пример в лице коллеги Светки, пострадавшей от легкого разума и тяжелой руки Равиля.

- Так за что уволили?: спросил Витька.
- За доброту, за нее всегда страдаю.
- А как так?

– А вот так! Иду домой после смены. Гляжу бабулька стиральную машинку тащит, а машинка старая еще, советская, ну помнишь такие были, круглые, тяжелые. Пожалел бабульку, давай говорю. Помогу, дотащил, бля, до самого Рыльска, на пятый этаж, представляешь заволок. Занес в квартиру, а она, садись, сынок за стол, ну пузырь вытащила, выпил я, а тут сынок ее нарисовался, допили с ним этот пузырь, ну мало, как всегда. Он, мол, давай сгоняю еще за одной, я конечно только за. А он, дай говорит твою куртку, а то свою испачкал, а я добрый же, бери говорю, друг. А этот придурок побежал в магазин в моей куртке, а там его менты тормознули. Он сдуру в карман залез, а там мое удостоверение, и он давай перед ментами им махать, я свой говорит. Менты ему, какой ты нахер свой, руки синие от наколок, как кислородный баллон. Он, сука оказался еще и судимый, вот меня и поперли с зоны, ну короче связь, совместное употребление, передача документов, ну и тому подобная херня. И вот я здесь, в доблестном Легионе.

- Да, не повезло.
- Это херня, вот раз с пацанами поехали на шашлыки, во там не повезло, так не повезло!
- А там, что за херня вышла?

– Ну, приехали мы, остановились, костер, шашлык, бухло, машину на берегу оставили, балдеем, а рядом деревушка башкирская. Гляжу джигит на лошади. Ну, такой зачуханный, в фуфайке, в ватных штанах, небритый, и с похмелья. Я ведь добрый, налил ему, здоровье чтобы поправил, а он еще просит, ну еще налил, а он барагозить взялся. Ну ребята и дали ему по рогам, но я-то его не трогал, наоборот заступался. Сидим дальше, тут целая отара джигитов скачет на конях и с кнутами. Ну ребята не дураки, прыг в машину и укатили. А я тормознул и не успел, на мне футболка белая была, тут мне кнутом по спине, футболка расползлась в виде буквы Z, ну помнишь кино было такое Зорро, а я сам как конь заржал Иго-го, и от боли бегом через реку, даже тапочки не замочил.

Так у Витьки появился друг в Легионе. Правда дружба продолжалась недолго, ровно до зарплаты, после которой Славик пропал навсегда. Руководство Легиона сбилось с ног, пытаясь найти его и уволить. Саша Волин с огромным трудом отыскал его в каком-то гадошнике, в районе малосемеек, притащил его в отдел кадров и уволил за прогулы. После чего долго плевался.

- Как можно пить целых два месяца на какие-то паршивые семь с половиной тысяч!
- Главное сообразить на первую: глубокомысленно и со знанием дела заявил охранник дядя Паша.

– Что?: переспросил Волин и поднял глаза на дядю Пашу. Седой, в очках с тонкой металлической оправой, с редкими длинными волосами, он был похож на профессора. Общее впечатление портили жеванная, давно не стиранная форма и фиолетово-красный нос. Волин принюхался: от дяди Паши пахло если не свежачком, то явно неслабым перегаром. Подумав,

Волин махнул рукой, он только что возил в наркологию бравого охранника, которого застукал в невменяемом состоянии, и возвращаться туда с веселым и разговорчивым дядей Пашей ему явно не хотелось. Главное стоит на ногах более-менее прямо, да и ладно.

– Так что ты говоришь, мужественный старик? – переспросил Волин.

– А то и говорю, главное сообразить на первую, а там обычно появляются друзья, с миру по нитке появляется вторая, отсюда же искренность отношений, общность интересов, так сказать корпоративный дух. А там открываются новые истины, доселе скрытые от разума рутиной будней.

– Ну и какие же это истины? – невольно заинтересовался Волин.

– А вот такие, внезапно выясняется, что существует много лишних вещей, без которых вполне комфортно можно жить, например, телевизор, его можно обменять литра так за два. Вот наши предки, например, вполне свободно обходились без этих излишеств, и ничего. Побеждали врагов, совершали трудовые подвиги. Внезапно дядя Паша мощным хорошо поставленным голосом затянул песню:

– Дети разных народов, мы за счастье бороться идем, в эти грозные годы....

На Волина было жалко смотреть, веселый и бодрый мотив песни действовал на него как похоронный марш.

– Елена Романовна – позвал он Штучкину – Куда он заступает сегодня?

– На стадион.

– Снять его, поставьте его куда-нибудь подальше, в парк, от греха подальше....

– Но ведь он....

– Если хотите, везите его сами, я уже сегодня там был.

– А парковского куда?

– Вместо этого философа, на стадион.

Дядя Паша покачал своей профессорской головой.

– Эх, нет пророка в своем отечестве, на стадионе я с людьми, со спортом, слился, как говорится с коллективом. А меня, как Лермонтова на Кавказ, в ссылку в парк.

– Иди, Лермонтов, твое счастье, не могу я больше в наркологию ехать, морально уже устал, еще раз нажрешься, уволю.

Дядя Паша тяжело вздохнул и уже тихим голосом запел..

– всю глубину материнской печали трудно пером описать....

– И не пой там в парке, не пугай ворон.

– Да я в хоре солистом был, у меня баритон, большое будущее мне пророчили.

Волин махнул рукой.

– Шаляпин, мать твою!

– А мать моя святая женщина....

Волин счел за благо уйти.

Так Витька, потеряв друга, приобрел новое место службы. Новая напарница, высокая худая старуха, с трясущейся головой, тетя Рима, была очень разговорчивой.

– Как тебя зовут?

– Витя.

– Женат?

– Нет.

– А почему?

Назойливость старухи начала раздражать Витьку.

– Парня с армии жду.

– А сколько ему осталось служить?

Тетю Риму ничем невозможно было удивить, и через час содержательной и обстоятельной беседы с ней, у Витьки начала болеть голова.

– Витя, а где ты раньше работал?

– В парке.

– Нет, до Легиона?

– Не работал я.

– Почему?

– Некогда было, в тюрьме сидел.

– За что?

– Старуху, сначала изнасиловал, потом задушил.

Тут тетю Риму наконец проняло, с быстротой молнии она метнулась в кабинет к администратору. Администратор, маленькая женщина с усталыми глазами по имени Елена пристыдила Витьку.

– Ну ты же сам видишь, кто у нас работает, теперь она отказывается работать с тобой в ночь.

– Так я же пошутил!

– Грех смеяться над больными людьми.

Глава вторая. Лаптев

Приближался вечер. Стемнело как всегда зимой рано. Взглянув в окно, Лаптев вздохнул, за окном стояла чернильная темень. Пятница, вечер, дома в морозильнике лежит и дожидается запотевшая бутылка водки, но до этого еще очень далеко. Лаптев опять вздохнул и нажал кнопку звонка. В кабинет вошел заспанный дневальный, маленького роста, резкими угловатыми чертами смуглого лица, он напоминал какого-то мексиканского артиста из мыльных опер. С легкой руки Лаптева прозванный Гонсалесом, дневальный против экзотической клички ничего не имел и охотно на нее отзывался.

– Иди в отряд, Гонсалес, на сегодня все.

– Нет не все, Игорь Петрович.

Ну вот, опять уйти домой вовремя не получится.

– Что случилось?

– Пока ничего, там в локалке второго отделения Туля терсится, на беседу просится.

– Да пошел он на...

– Сказал, что, если не вызовут, вскрыется.

– Сука, ну давай веди.

Анатолий Емельянович Сусоев, в исправительной колонии получивший кличку Туля, был одним из штатных зоновских крышоходов, и у начальника оперативного отдела капитана внутренней службы Лаптева Игоря Петровича вызывал инстинктивное отвращение и непреодолимое желание дать ему по короткостриженной башке. Знает ведь сука, что пятница, вот и начнет сейчас мозг выносить, главное бы скотина не вскрылся. В лагерях, среди зеков была манечка вскрываться. Дело это нехитрое, берется одноразовый бритвенный станок, ломается, из него извлекается лезвие, которое в зоне называется моечкой, и при помощи этого нехитрого инструмента наносятся поверхностные раны на руках или других частях тела, главное не задеть артерии. Крови много, а толку мало, иногда, когда крови мало, она разбавляется обыкновенной водичкой. Если нет моечки, в ход идут любые подручные средства, вплоть до зубов. И ладно бы, если кто серьезно хотел свести счеты с жизнью, тот бы порезал чуть выше кистей артерии, так нет, одни понты, работают на публику, зовут прокурора, истерят, чтобы привлечь внимание и решить какие-нибудь шкурные интересы. С некоторых пор эта хрень вошла в моду. Раньше резались блатные по серьезному поводу, а сейчас этим начала заниматься всякая шваль, наподобие Тули, по поводу и без. И ничего не поделаешь, прокуратура по надзору за соблюдением законов в ИУ пасется в зоне круглосуточно, и бьется за зеков, как за своих детишек. По глубокому убеждению Лаптева, они получали вторую зарплату с воровского общака, иначе как объяснить такое рвение. Но делать нечего, если эта падаль вскрыется, то сидеть ему, Лаптеву с этим уродом до утра. Вместе с оперативным дежурным отправлять спецсообщение в главк, составлять протокол осмотра происшествия, отбирать от зеков объяснения, и делать кучу других ненужных лично ему движений, вместо того, чтобы идти домой.

Тук, тук

– Разрешите?

В дверях показалась долговязая фигура Тули. Желтое сморщенное лицо, большие кустистые брови, маленькие бесцветные глазки выражали удовлетворение.

– Звали, гражданин начальник.

– Нет, бля, ты сам приперся, чего надо Туля?

– Я не Туля, а Анатолий Емельянович Сусоев, такой же гражданин России, как и вы....

– Короче – оборвал его Лаптев, зная, что это может затянуться надолго-чего надо?

– Я маму не убивал, ее убила Галя.

Лаптев невольно застонал и схватился за голову. Опять эта, до блевотины надоевшая песня. Лаптев нажал кнопку звонка и бросил вошедшему дневальному:

– Гонсалес, завари пожалуйста чаю, покрепче.

Гонсалес, взглянув на колоритную фигуру Тули, понимающе ухмыльнулся, и пошел ставить чай. Ну вот опять мама, Галя, и тому подобный бред. В жизни каждого осужденного на длительный срок наступает момент, когда все, приперло, больше сидеть невмоготу. Некоторые лезут на запретку, но это редкость, в основном начинают писать во все инстанции, в суд, прокуратуру, президенту, даже на поле чудес Якубовичу, и настолько сильно уходят от реальности, что на полном серьезе начинают верить, что они не совершали никаких преступлений, что их подставили, и они стали жертвами роковых обстоятельств. Но проходит какое-то время, и человек, поняв тщетность своих попыток, возвращается в реальность, и тянет свой срок дальше. Таких среди тяжеловесов большинство, но есть и такие, которые попав на эту волну, остаются там навсегда. К числу таких деятелей принадлежал и Туля. На свободе Анатолий Емельянович все свое свободное время, а его у него, по причине отсутствия работы, и нежелания ее искать, было хоть отбавляй, предавался любимому занятию, а именно употреблению горячительных напитков. Начиная от банального самогона и заканчивая различного вида экзотикой в виде растворителей, лосьонов и тому подобных жестких, но поистине мужских напитков. Такой брутальный образ жизни закончился вполне предсказуемо. Мать Анатолия Емельяновича, после фатального для себя отказа дать денежные средства на опохмел единственному сыну скончалась, согласно материалам дела от множественных переломов ребер и поврежденных внутренних органов. И в славном ИК-14 появился новый постоялец, с толстым личным делом, в котором Лаптеву больше всего не понравился пункт: органическое поражение головного мозга на почве алкоголизма. А пока начиналась до чертей надоевшая Лаптеву, но не теряющая своей прелести для Тули игра.

– Я маму не убивал.

– А кто убил?

– Галя.

– А кто она?

– Ну, Галя!

– Понятно.

– А как она ее убила?

– Мухоморами!

– Что, мухомором ребра сломать можно?

– Нет, гражданин начальник, как вы не понимаете, она напоила ее мухоморами!

– Охренеть, да это серьезно!

– Куда же серьезнее, и никто мне не верит.

– А начальник отряда?

– Он сказал, что я дебил, и послал меня на хер.

Правильно сделал, подумал Лаптев, сидит сейчас дома, пиво пьет, а я сижу, бля с его клиентом, но ничего мы с тобой в понедельник пообщаемся, и продолжал светскую беседу.

– И никто-никто не верит?

– Никто!

– Да, дело дрянь, видать и в наши ряды просочились враги.

– Да, гады, душить их надо.

– Согласен, но с вредительством надо бороться, так?

– Конечно!

– Короче так, Туля, вот тебе бумага, излагай суть дела, только быстрее, времени мало, я отправлю письмо в Верховный суд.

– В Верховный суд мы на прошлой неделе писали.

– На этот раз, все серьезнее, в Страсбург.

– Это который за границей?

– Точно, Туля, ты наверно знал.

Туля, высунув от усердия язык, писал свое послание, а Лаптев заранее продумывал, куда они будут писать на следующей неделе. Эх, на этап бы его, козла, но куда его с туберкулезом, и не сдохнет никак, сука.

– Написал, гражданин начальник!

– Давай сюда!

– Вы, прочитайте сначала.

– Я, Анатолий Емельянович, ни капли не сомневаюсь, что все написанное тобой истинная правда, и ничего, кроме правды.

– А закурить и заварить.

«Вот ты наглый, как колымский пидор» – подумал Лаптев, и бодрым голосом ответил:

– Да не вопрос!

Лаптев достал из ящика стола пачку примы и заварку чая, завернутую в обрывок газеты.

– Все, Туля, дуй в барак!

– А куда вы письмо мое отправите, и когда?

– Куда надо, Туля и немедленно!

Что Лаптев и сделал сразу по уходу Тули, мелко порвав сочинение Тули, он отправил его куда надо, в канализацию, и с облегчением спустил воду.

– Он поплыл и скоро-скоро утонул за поворотом, но не утонула с ним мечта-пропел Лаптев к месту вспомнившуюся песенку про бумажный кораблик. Закурив, он начал собираться домой. Выйдя в коридор, он обомлел:

– Матерь божья!

Здоровенный прапор из дежурной части вел маленького сгорбленного зека в робе насквозь пропитанной кровью.

– Фунтик, твою мать!

– Здравствуйте, гражданин насальник! – с радостной улыбкой ответил зек.

Осужденный Якшидавлетов Фуат Гилимханович прожил яркую и насыщенную жизнь. Родился он в далекой и глухой башкирской деревушке, затерявшейся среди дремучих лесов и гор, в многодетной и бедной семье. Мать рано умерла. Отцу до детей дела не было, были дела поважнее, ему нужно было то поддать, то похмелится. Детей это вполне устраивало, ибо, когда отец вспоминал о них, дело кончалось синяками и ссадинами. А как-то в зимнюю пору, отец, перебрав стеклоочистителя, достал двустволку, и юному Фуату, вместе с братьями и сестрами, которые выскочили из дому голые, успев прихватить одно одеяло на всех, пришлось бежать сквозь метель в соседнюю деревню, к родственникам. На их счастье отец их Гилимхан, бывший когда-то лучшим охотником в деревне, в извечной борьбе с зеленым змеем, утратил свою хваленую меткость. Став повзрослее, Фуат, сбежал в город и прибился в цирк уборщиком, убирать дерьмо за животными.

– Волки хорошие, медведи тоже-охотно рассказывал он Лаптеву тонкости своей бывшей профессии – А, вот тигр пидарас!

– Почему? – удивился Лаптев.

– Я щетку сую в клетку, говно убирать, а он, пидор, держит ее лапой, и не пускает.

– Действительно, пидор. – вынужден был согласиться Лаптев.

В зоне Фуат, получивший кличку или как говорится среди зеков погремуху Фунтик, чалился по второму сроку. И все за одно и то же. Как-то, после цирковых гастролей, Фунтик решил навестить родную деревню. Но, что-то пошло не так, то ли он расстроился, что его никто не ждал, и не встретил, согласно его статуса, работая в цирке, он относил себя к уважаемой касте артистов, то ли опьянил воздух родины, то ли еще чего. И Фунтик, крепко пере-

брав, очутился на окраине деревни, и наткнулся там на деревенское стадо, которое пас мальчишка пастушок. Что там между ними произошло никто не знает, и согласно сухим материалам приговора, гражданин Якшидавлетов Фуат Гилимханович, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего Н. В зоне тогда были времена трудные, еще до знаменитого воровского сходняка, на котором было принято решение член с вооружения снять, и членом никого не наказывать. И естественно, насильственные действия сексуального характера были произведены в отношении самого Фуата Гилимхановича, его коллегами по отсидке. Впрочем, Фуата Гилимхановича это особо не расстроило, иначе как объяснить тот факт, что, едва освободившись, он опять поперся в родную деревню, и в этом же злополучном лесу поймал другого пастушка, и совершив с ним то же самое, убил его засунув в задний проход суковатую палку. На этот раз Фунтик получил очень даже приличный срок, и заработав туберкулез, очутился в чудесной ИК-14, единственной на весь регион туберкулезной зоне. После всех этих превратностей судьбы в шариках и роликах Фунтика что-то перемкнуло. Вел он себя вызывающе, развязно и нагло, и как метко говорили зеки, ни ножа, ни хуя не боялся. Глядя на него, Лаптев всякий раз вспоминал старую зековскую присказку: наглый, как колымский пидор. И это как нельзя лучше подходило к Фунтику. Познакомился с ним Лаптев в дежурной части. Зайдя туда после дежурства, чтобы сдать наручники и расписаться в журнале, Лаптев обратил внимание на странное оживление в углу дежурной части. Оперативный дежурный майор Ложкин, тяжело дыша, ругаясь трехэтажным матом, здоровенными ручищами отвешивал кому-то здоровенные подзатыльники. Существо, кому предназначались и доставались подзатыльники истошно визжало тоненьким голоском:

– Сука, сука, проклиная тебя!

Подойдя поближе, Лаптев поначалу принял существо за обезьянку или какого-то странного зверька, но быстро сообразил, что обезьяны, хоть и являются, согласно учению Дарвина нашими предками, но по – человечески не разговаривают, тем более не употребляют такие выражения. Но внешний вид существа не вполне соответствовал человеческому. Маленького роста, с отвислым животом, в одних трусах, одежду, как выяснялось потом он снял и разбросал по всей дежурке, со смуглой, почти черной кожей, на которой буйной порослью росли черные жесткие, как щетина волосы, и выделялись белыми полосами многочисленные шрамы, человек, подняв к груди худенькие ручки, как собачка лапки, то-ли хихикал, то-ли плакал. Несмотря на силу ударов, человек, явно получал от этого удовольствие, и широко улыбаясь, издавал странные звуки, которые Лаптев принял за хихиканье. Эти звуки очень бесили майора Ложкина, который, войдя в раж, изо всех сил ударил его ногой, обутой в тяжелый армейский берц, под худой зад. Человек блаженно взвизгнул, сел на пол, на трусах спереди проступило мокрое пятно, и схватившись на причинное место, замер в экстазе.

– Кончил, гад – прокомментировал кто-то из прапорщиков.

– Теперь, товарищ майор будете его регулярно удовлетворять, ему понравилось, теперь вы как это, половые партнеры – продолжали острить в дежурке.

– Как это, почему? – Ложкин был в недоумении.

– Это, товарищ майор, называется мазохизм, человек получает половое удовлетворение от боли, – объяснил дежурный медик. – Его, бля только нам не хватало, дураки есть, даже людоед в седьмом бараке сидит, теперь, бля, мазохист появился.

И с той поры, Фунтик ходил удовлетворяться в дежурную часть. Но там тоже сидели не дураки, и на все его попытки получить люлей, старались не реагировать, хотя Фунтик очень старался. Тогда расстроенный Фунтик мойкой, или другими подручными средствами наносил себе резанные раны, отчего его многострадальная кожа была покрыта шрамами, количество которых не мог сосчитать даже сам Фунтик. Делал это он, в отличии от других придурков,

исключительно для собственного удовольствия. Вот и на этот раз, Фунтик само удовлетворился при помощи какого-то острозаточенного предмета.

– Значит так было суждено сегодня-подумал Лаптев, и, взяв папку с бумагой и бланками протоколов, отправился в отделение составлять протокол осмотра происшествия. Перед этим снял трубку и позвонил в дежурку, не мог отказать себе в удовольствии – Раз у меня день плохой, позлю и Ложкина.

– Ало, товарищ майор!

– Чего тебе, Лаптев?

– Тут у меня Фунтик сидит, вас просит.

– Пошел он на хер!

– Говорит, что любит Вас.

– Пошел на хер, Лаптев!

– Скучный вы человек, товарищ майор.

– Короче, Лаптев, кончай херней заниматься, мне в главк спецсообщение отправить надо, чего там у этого?

– Записывай, обе руки, ниже локтя резанные раны, четыре на правой, размеры четыре, три, семь и восемь сантиметров, и три на левой пять, семь и десять сантиметров.

– А чем?

– Пиши лезвием от одноразового станка.

– Понятно, не зона, а зоопарк, как по объявлению набрали, сам скоро ебнусь.

– Да ты и так, товарищ майор, контуженный.

– Пошел на хер!

И никакой фантазии, подумал Лаптев, пошел на хер, и все, хорошо живется Ложкину, так точно, никак нет и пошел на хер, может так и нужно жить, нервы целее будут. Но в чем-то Ложкин прав, ИК-14 было действительно уникальным подразделением. Здесь были собраны все режимы, общий, строгий, особый, малолетки, и со всех регионов москвичи, ростовчане, ХМАО, и еще черт знает откуда, даже чеченские боевики и то присутствовали. Объединяло их одно, туберкулез. И размещался спец контингент не по режимам и условиям отбытия, как в других зонах, а по состоянию здоровья, открытая и закрытая форма туберкулеза, а на десерт были еще два участка для ВИЧ инфицированных. Последних, правда разогнали по баракам, так как прокуратура по надзору усмотрела в этом нарушение их прав. Вот этим действительно терять было нечего, взять того же Фунтика. Ему уже сорок пять лет, сроку у него двадцатка, он пидор, мазохист, у него туберкулез, да еще и Вич нашли, ну чем такого напугаешь. Он прекрасно знает, что он уже не освободится, отсюда ему одна дорога, на кладбище. А вот и четвертое отделение, вот здесь живет Фунтик, это отделение сами зеки прозвали негритянским кварталом, большинство придурков и крышолодов размещались именно здесь. Едва Лаптев шагнул в дверь барака, в полутемном предбаннике раздался скрипучий голос:

– Дай отсосу!

Лаптев перепугано отпрыгнул в сторону и чиркнул зажигалкой. На пожарном ящике сидело существо по кличке человек-паук. Желтая, словно пергаментная кожа плотно обтягивала шишकाстый череп, огромные, как у инопланетянина глаза отражали свет зажигалки. Сломанные на свободе ноги неправильно срослись и двигался сей отважный джентльмен исключительно при помощи рук, и опираясь на пятую точку. Любимым местом его был темный предбанник, где он сидел обычно, взобравшись на пожарный ящик с песком.

Лаптев чертыхнулся, сколько раз заходил в этот барак, а все не мог привыкнуть, что углу сидит этот придурок. Едва зайдя в коридор, Лаптев был атакован другим придурком, из какой-то секции, или как по больничному называли в ИК-14 палаты выскочил худосочный зек с бешеными глазами.

– Ваше превосходительство!

Лаптева уже третий год как перевели в этот зоопарк из ИК-8, поэтому он уже научился общаться с его обитателями.

– В чем дело, милейший?

– Вот заявление, будьте любезны принять.

– Конечно, конечно, а кому заявление, позвольте полюбопытствовать?

– Патриарху всея Руси, понимаете у меня видения, и кажется я пророк, недавно получил послание от всевышнего, и нужно срочно донести благую весть патриарху, папе римскому, верховному раввину, и верховному муфтию.

– Ну, патриарху мы отправим, а вот папе и раввину, с этим проблемы.

– Почему?

– Папа, где живет?

– Ну, в Риме.

– Ну, вот видишь, а итальянских марок, как назло в зоне нет.

– Так пусть сам приедет!

– Да не вопрос, вот только подождать придется, пока визу оформит, время пройдет.

И Лаптев попытался быстрее проскользнуть мимо пророка, но тот был настойчив.

– Так примите заявление!

Лаптев, с самым серьезным видом взял у зека потрепанный лист бумаги, и с не менее серьезным видом положил его в папку, попутно подумав, что если так пойдет дальше, то унитаз в коридоре штаба скоро забьется.

– Так вы даже не читали! – запричитал зек.

– А я, блядь, и не собираюсь – подумал Лаптев и ответил.

– Сей документ, сын мой, требует большого внимания, и я, своим скудным умишком не пойму мудрости, изложенной в нем, и поэтому сегодня же отправлю адресату.

– Так ведь уже ночь!

– А я фельдьегерской почтой, у меня как раз в отделе фельдьегер сидит.

Зек заинтересовался.

– А как он выглядит?

Лаптев не мог удержать улыбки:

– Лицом чист, очень белый, чистый душой и телом, очень надежен – начал описывать он, вспоминая очертания унитаза – Пьет только воду, а вот с закусью неразборчив.

Зек успокоился:

– Слава Иисусу Христу!, если не пьет, значит довезет в сохранности.

– Извращенец, сорвись нахер!

– А я че, я ни че – зек поспешил нырнуть в свою нору.

Завхоз отделения молоденький мальчишка с ангельскими глазами, по имени Руслан потропил пророка пинком под зад.

– Заходите, Игорь Петрович.

Лаптев зашел в комнатушку завхоза, сел на кровать и устало вытянул ноги.

– Ну и зоопарк у тебя, Русланчик.

– Сам в ахуе, Петрович.

– Чего там опять Фунтик вскрылся, говорил тебе не давай ему станки.

– Не будет мойки, зубами вскроется.

Лаптев махнул рукой, тут Русланчик был прав, свинья грязь найдет.

– Петрович, я тут с одним пидарченком познакомился из хирургического отделения, такой ласковый, волосики пушистые, Кроликом зовут, хотите познакомлю.

– Ты че, попутал что ли.

– Ой, извини, Петрович, забыл я, настолько вас за своего считаю, ведь живете с нами, постоянно в зоне. Вот придете как-нибудь домой, а там будет мужик в ваших тапочках расха-

живать, и спросит вас, ты кто такой? Вот тогда и Кролика вспомните, только поздно будет, на него такой спрос.

– Иди на хер – беззлобно ответил Лаптев, в глубине души признавая, что Русланчик отчасти прав. Русланчик захихикал. Несмотря на свою ангельскую внешность, Русланчик был тяжеловесом. Срок у него был первый, но как говорится очень нехилым. На свободе он сошелся с женщиной лет на десять лет старше себя. Сожительница держала несколько ларьков, и Русланчик безбедно жил у нее на положении альфонса. Беда, как говорится пришла неожиданно. Как-то раз заглянул в гости старый знакомый сожительницы. Ну посидели, выпили и Русланчик отрубился. Проснувшись среди ночи, он увидел мерно колыхающийся волосатый зад гостя. Продрав глаза, Руслан рассмотрел, что его сожительница, широко раскинув ноги и закатив глаза, лежит на спине и громко стонет, а на ней, утробно урча уютно расположился гость. Тут у Русланчика помутилось в голове, схватив поясok от халата сожительницы, он накиннул его на шею коварного гостя. После совершившегося справедливого возмездия, они с сожительницей два дня пили мировую у остывшего тела гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.